

© 2012 г.

Академик А.Б. ДАВИДСОН

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СТРАНАХ АФРИКИ. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

До недавнего времени в ходу был термин “вестернизация”. Не буду судить, насколько он правомерен. Если да, то для нашего времени можно ввести термин “афроазиатизация”.

В.О. Ключевский записал в дневнике в 1904 г. (не для публикации, а просто для себя): “Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает спавшую Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой?”¹.

Но дело не в терминах и даже не в давних предвидениях. В них ведь можно вкладывать очень разный смысл и спорить до бесконечности. Неоспорим же факт: роль Азии и Африки в современном мире растет с каждым годом. И в общем народонаселении мира, и в экономике, политике, культуре, даже в спорте. Во всех сферах жизни человечества.

Наш современный мир полон противоречий. Одно из важнейших: последствия имперского прошлого, когда одни страны были метрополиями, а другие, подавляющее большинство, зависимыми или, даже официально, колониями. Последствия этого прошлого остро ощущаются сейчас и еще будут давать о себе знать. То, что связано с жизнью многих поколений, не может быстро исчезнуть.

У народов, которые были колониальными или зависимыми, накопилось множество обид и претензий, обоснованных или нет, к государствам, которые ими управляли. И даже больше – ко всей Европе. Считают, что она так или иначе причастна к становлению колониального господства. Эти обиды и претензии эксплуатируются теми политиками нынешних развивающихся стран, которые хотят списать свои промахи, ошибки, а то и преступные действия, на последствия колониализма и “злокозненность неоколониализма”. При этом, намеренно или ненамеренно, забывается то позитивное, что принесли европейцы Не-Европе.

А у бывших метрополий не угас постимперский синдром, ностальгия по имперскому величию.

Такое противоречие мешает взаимопониманию народов в современном мире. Без преодоления этого противоречия мир обречен на бесчисленные конфликты. Но устранить его чрезвычайно трудно. Оно порождено и закреплено столетиями, и потому очень живуче. Устранить его можно только развитием взаимопонимания.

Но как добиваться взаимопонимания? Надо лучше знать друг друга. А это возможно только при ряде условий.

Одно из них, может быть, важнейшее: надо понимать, как видят свою историческую судьбу другие народы, как они представляют себя в мировой истории и как они со

Давидсон Аполлон Борисович – действительный член Российской академии наук, профессор НИУ-Высшая школа экономики, заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0040, реализованного в рамках программы “Научный фонд НИУ-ВШЭ” в 2012–2013 гг.

¹ *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 305.

своих позиций представляют историю человечества. Она ведь видится по-разному из Москвы и из Нью-Йорка, Пекина и Аддис-Абебы, Каира и Кейптауна. Чужое видение надо знать. Не относиться к нему с пренебрежением, а уважать.

И европейцам нужно больше самокритики. Достаточно ли европейцы знают обитателей других материков? Не слишком ли увлеклись своим европоцентризмом? Ведь даже периодизацию всемирной истории построили по европейским меркам. Древний мир – это, прежде всего, Греция и Рим. Средневековье отсчитывали от европейских событий. А рубежом между Средневековьем и Новым временем сочли “Великие географические открытия”. Народы Востока и Африки вправе возразить: почему это нас открывали? Мы тут жили.

Не в обиду нам, европейцам, будь сказано, мы ведь Восток и Африку, да и Латинскую Америку, знаем неизмеримо меньше, чем свою Европу.

А знать друг друга народы современного мира, повторяю, обязаны, даже из инстинкта самосохранения. Ведь на протяжении всей истории человечества конфликты зачастую решались военными действиями. Сейчас, впервые в истории, такой путь, при наличии термоядерного оружия уже у ряда государств (и еще несколько развивающихся государств домогаются этого), может прекратить жизнь на Земле. Так что теперь, как никогда раньше, необходимы компромиссы, толерантность, умение вслушиваться в аргументы другой стороны, понять их. А для этого необходимо лучше знать другие народы и страны, их традиции, их тенденции развития, их культуру, их политическое сознание.

Конечно, такой подход необходим во взаимоотношениях не только развитых и развивающихся стран, но в отношениях между всеми народами нашей планеты, которая стала такой обозримой, как коммунальная квартира, где каждый зависит от соседей, даже самых дальних. Но в отношениях между развитыми и развивающимися странами эта задача еще трудней и насущней. Ведь европейские страны знают друг друга куда лучше, чем они знают Не-Европу. Да и россияне знают европейцев, соседей, куда лучше, чем дальних, заокеанских.

Особенно наглядно все это видно, если задуматься о тех знаниях, которые есть в “мире белого человека” о Тропической и Южной Африке (раньше говорили – Черная Африка).

Полтора десятилетия назад война в Конго и вокруг Конго лишила жизни от четырех до пяти миллионов человек. В Африке это назвали “третьей мировой войной”. А много ли остальной мир знал об этом? В Руанде тогда же погиб почти миллион – много мы знаем об этом? А о других кровавых междоусобных войнах, которые охватили Африку в 1990-х (хотя в самые последние годы издаются, наконец, и свидетельства наших соотечественников²)? О развале государства Сомали?

Разве эти события – не загадка? Кончилась “холодная война”. Казалось бы, какое-то успокоение должно прийти и в Африку. А получилось наоборот. Заполыхало чуть ли не во всех концах континента. И разве не загадка: такое вялое внимание мира ко всему этому?

Что ж, ведь и к Северной Африке внимание было не ахти большим. Понадобилась внезапная волна “арабских революций”, чтобы возбудить это внимание. Не так ли произойдет и с отношением к Тропической и Южной Африке? Не хотелось бы вспоминать пословицу: “Пока гром не грянет...”. Но, может быть, она не так уж и неуместна?

Тропическая и Южная Африка – это ведь регион, роль которого растет с каждым годом. Уже сейчас его население больше населения Европы. Население Нигерии больше российского. Население Лагоса, столицы Нигерии, уже сравнялось с московским, население Киншасы, столицы Конго, тоже приблизилось к московскому. По прогнозам демографов, в 2050 г. население Эфиопии, Конго, а может быть и Танзании, и каких-то

² Устная история забытых войн. Воспоминания ветеранов войны в Анголе. М., 2007; Воспоминания участников и очевидцев войны в Анголе. 1975–2002 гг. Устная история забытых войн. М., 2008; Ветераны локальных войн и миротворческих операций ООН вспоминают. М., 2010.

еще государств “Черной Африки” окажется больше российского. А ведь и в самой Европе живут миллионы африканцев, и число их растет с каждым годом.

И разве о роли этого региона можно судить только по численности его населения? В средствах массовой информации в Европе, да и в нашей стране, чаще всего говорится о голоде, междоусобицах, трагедиях, распространении СПИДа. Это верно. Но есть и другое. В 1998–2008 гг. среднегодовой прирост реального ВВП в Анголе был 11%, в Мозамбике – 8,3%, в Нигерии – 8%, в Эфиопии – 7,3%, а в Экваториальной Гвинее даже 21,1%³. ЮАР в прошлом году вошла в группу наиболее быстро развивающихся государств, и эта группа сменила название БРИК на БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР)⁴.

Достаточно ли мы знаем, как сами жители этих государств видят себя во всемирно-историческом процессе? Каковы взгляды их историков, каково мнение широкой общественности?

Что уже сделано нашими отечественными историками, чтобы понять это? И как надо двигаться дальше?

* * *

Горечь африканцев из-за отношения европейцев к их истории я, как и мои коллеги, почувствовал, когда в Москву впервые приехали большие африканские делегации. Было это в 1957 г., на Всемирном фестивале молодежи и студентов. Они говорили примерно так: “Все, что вы в Москве знаете о нас, о наших странах, о нашей истории, вы знаете от белых людей. Мы не хотим их оскорблять. Они могли быть умными, интересными людьми. Но все же их взгляды были европейскими, проникнуты европоцентризмом. И писали они больше не о нас, а о том, что делали в Африке такие же белые люди. Представьте себе, что мир знает о вашей стране только со слов чужеземцев. Вам это понравится?”.

В следующем, 1958 г., мы услышали это же мнение, у кого гневное, у кого грустное, от африканских литераторов, приехавших на Ташкентскую конференцию писателей стран Азии и Африки. Это была первая встреча представителей нашей страны с литературной общественностью стран Африки: Нигерии, Ганы, Сомали, Уганды, Анголы, Сенегала, Мадагаскара и других. Большинство этих стран были еще колониями.

И тогда, например, камерунский писатель Бенжамен Матип обвинил европейских завоевателей в “полной дезафриканизации Африки”. “Искусство, религия, культура, традиции – все проявления духовной жизни систематически и грубо искоренялись с презрением, характерным для расистов-завоевателей”⁵.

Не скажу, что такая резкая форма суждений всем нам нравилась. Но такие заявления – а мы слышали их не раз – заставили нас задуматься, снова взглянуть уже под этим углом зрения в доступную тогда литературу об Африке. И вот сразу же какой наглядный пример!

“Громадная и неуклюжая по своему виду, с негостеприимными берегами, выжженными большею частью лучами тропического солнца, Африка... угрюма и загадочна, как сфинкс в египетской пустыне. И какова земля, таков и народ. Едва известный подвижным расам Азии и Европы в течение тысячелетий, своим цветом кожи уже как бы отверженный от ряда благородных народов, прожил он, замкнувшись, неисчислимые годы, не выходя из естественных границ своей территории для дружеского сношения или неприятельского нападения... Если мы можем сравнить историю рас Европы с деятельностью в ясный солнечный день, то история Африки только тяжелый ночной сон; спящего он успокаивает или тревожит, так что он с беспокойством поворачивается на своем ложе; но другие его не знают, а проснувшийся скоро забывает о нем”.

³ Мир в цифрах. М., 2011, с. 4–5, 10, 20.

⁴ Буква “С” от South Africa.

⁵ Ташкентская конференция писателей стран Азии и Африки. Ташкент, 1960, с. 455–456.

Это опубликовано 100 лет назад, с точки зрения историков не так уж давно. А об отношении к изучению истории Африки сказано так: “Подвинемся ли мы далеко в знаниях, если нам станет известным, что такое-то негритянское племя со странным названием в таком-то году переселилось на место жительства в соседнюю область, что оно в каком-то другом году было рассеяно и уничтожено?”.

И это не в какой-нибудь легковесной брошюрке, а в коллективном труде крупнейших немецких ученых “История человечества. Всемирная история”. Этот труд считался важным достижением науки и в 1909 г. был полностью переведен на русский язык⁶.

После таких подходов и шло рождение исторической науки в Тропической и Южной Африке.

Анализ таких оценок появился в западной научной литературе лишь в процессе деколонизации Африки. В Америке вышла книга “Африка, которой никогда не было”, во втором издании – “Миф об Африке”. Литературу об Африке, которая издавалась в Европе несколько веков, там называли: “западная фантазия, основанная на этноцентризме”⁷. А в книге, изданной в Ибадане (Нигерия), сказано, что “колониальный роман об Африке был ничем иным, как отражением европейских предрассудков”. И приведены слова Андре Жида: “Чем менее интеллигентен белый человек, тем более глупым ему видится черный”⁸.

Давние колониалистские взгляды не ушли бесследно. Они живы по сей день. Это убедительно показано в недавно изданной книге “Искусственная Африка. Колониальные образы во времена глобализации”⁹.

Как же трудно преодолевалось представление, что у африканских народов нет истории! На международных конгрессах востоковедов до 1960 г. не было ни одного африканца. Об африканской секции XXIV конгресса востоковедов, проходившего в 1954 г. в Кембридже, советский африканист И.И. Потехин написал: “На ее заседаниях выступали с докладами англичане, французы, немцы, русские и многие другие, не было только африканцев”¹⁰.

На XXV конгрессе востоковедов в Москве в августе 1960 г. впервые участвовали ученые-африканцы (из Ганы, Камеруна, Нигерии, Сенегала, Уганды, Эфиопии). И поведение западных историков тоже стало иным. Британские африканисты Роланд Оливер и Джон Фейдж привезли первый номер “Джорнел оф эфрикен хистори”¹¹, первого в мире журнала, посвященного истории Африки. Оливер и Фейдж, его соредакторы, говорили мне, что главная их задача – отказаться от британской гордыни, от высокомерия к африканцам. Они, я уверен, были вполне искренни. Но все же в этом первом номере их журнала, подготовленного к открытию конгресса, не было ни одной статьи, написанной африканцем. Вина его создателей-редакторов? Винить их вряд ли справедливо. Публиковали они статьи профессиональных историков, а такие статьи у африканцев только еще появлялись.

Вехой во всех сферах жизни стран Африки стал 1960 г. Он вошел в мировую историю как “Год Африки”: 17 африканских стран провозгласили себя независимыми. Отношение к истории стало важной частью государственной политики. В исторической науке появлялись новые и новые африканские имена.

И в сентябре–октябре 1965 г. впервые состоялся Международный конгресс африканских историков. Он был проведен в Танзании в Университетском колледже Дар-эс-Салама. Среди докладчиков все еще преобладали историки-европейцы, но появился уже и ряд африканских имен. В приветствии конгрессу президент Танзании Джулиус

⁶ История человечества. Всемирная история, т. 3. СПб., 1909, с. 377–378.

⁷ Hammond L., Jablow A. The Myth of Africa. New York, 1977, p. 7.

⁸ Nwezeh E. C. Africa in French and German Fiction (1911–1933). Ibadan, 1978, p. VII, 3.

⁹ Mayer R. Artificial Africas. Colonial Images in the Times of Globalization. Hanover – London, 2002.

¹⁰ Потехин И.И. Гана сегодня. Дневник 1957. М., 1959, с. 11–12.

¹¹ The Journal of African History, London, 1960, v. 1, № 1.

Ньерере сказал, что главное “наше собственное желание понять себя и наши общества”. «До сих пор то, что мир знал об этом континенте, даже и знания о нынешней Африке, определялось почти исключительно извне. Большинство тех, кто изучает нашу историю в учебных заведениях по всему миру, до сих пор учат “открытие Африки” и путешествия великих первооткрывателей. Они изучают работорговлю и европейские вторжения; они рассматривали экономические мотивы и влияние всего этого на Европу. Только в самые последние годы стали признавать значение продолжающихся перемен в жизни африканцев и влияние внешних факторов на их жизнь. А “Африканская история” будет развиваться лишь тогда, когда на все это будут смотреть с позиций самой Африки»¹².

Конгресс принял ряд резолюций. Главное в них: “В Африке изучение африканской истории – это важнейшее средство самопонимания и понимания окружающего мира”; “африканская история должна стать основой народного образования”¹³.

Из африканистов нашей страны приглашение участвовать в конференции получил только автор этой статьи. Мне предложили не только выступить с докладом, но даже выделили один из дней конференции для дискуссии по моей теме: “Сопrotивление африканцев установлению колониального господства”. На Западе этим вопросам тогда еще только начали заниматься, а у меня в 1958 г. вышла на эту тему книга. Но разрешения советских властей на поездку в Дар-эс-Салам я не получил. Почему? Мне этого не объяснили, как не объясняли и патриарху отечественной африканистики члену-корр. РАН Д.А. Ольдерогге – он был “невъездным” последние почти 20 лет своей жизни, не мог бывать на международных конференциях, где его участие было бы так плодотворно. Подобные запреты мешали развитию отечественной африканистики.

Текст моего доклада был зачитан на конференции, обсужден и затем опубликован в сборнике ее материалов¹⁴, а затем в 1970 г. переиздан в книге “Проблемы истории колониальной Африки”¹⁵.

Проведение конгресса было связано с решением ЮНЕСКО о подготовке восьмитомной “Всеобщей истории Африки”. Решение приняла в 1964 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО. В этот огромный проект входил и ряд научных конференций. Тома выходили в 1970–1980-х годах. Редакторами всех томов были африканцы. Но к написанию глав привлекались и европейцы (среди них – и я).

Каждый том открывается предисловием Ахмаду-Махтара М’боу, генерального директора ЮНЕСКО. Оно начинается словами: “Долгое время все виды мифов и предрассудков скрывали от мира подлинную историю Африки. На африканские общества смотрели как на общества, у которых нет истории”. Генеральный директор ЮНЕСКО отдавал должное ряду историков-европейцев, “таких как Лео Фрабениус, Морис Делафосс и Артуро Лабриола”, но считал, что “подавляющее большинство экспертов-неафриканцев не могли отделаться от явно ложных концепций”¹⁶.

В конце декабря 1972 г. была создана Ассоциация африканских историков. Ее председатель Жозеф Ки-Зербо, профессор из Верхней Вольты, заявил, что необходимо показать “прошлое Африки, каким его видят сами африканцы”¹⁷.

Так к какому же времени можно относить появление историков-африканцев? Конечно, об этом можно спорить бесконечно. Но появление уже не одного или нескольких, а многих профессиональных историков-африканцев относится ко времени после Второй мировой войны, особенно же к 1960-м и 1970-м годам.

¹² Emerging Themes of African History. Proceedings of the International Congress of African Historians held at University College, Dar es Salaam, October 1965. Nairobi, 1968, p. 3–4.

¹³ Ibid., p. 218.

¹⁴ Ibid., p. 177–188.

¹⁵ Davidson A. African Resistance and Rebellion Against the Imposition of Colonial Rule. – Problems in History of Colonial Africa, 1860–1960. New Jersey, 1970, p. 50–58.

¹⁶ General History of Africa, v. VII. UNESCO, 1985, p. XIX.

¹⁷ Ki-Zerbo. Le passé de l’Afrique vu par les africains. – L’Afrique et son histoire. Information-UNESCO. Paris, 1975, № 689–691, p. 1.

А с чего началось и как происходило в нашей стране знакомство со взглядами африканцев на их историю?

Прежде всего это еще давние беседы с африканцами. В 1853 г. И.А. Гончаров, тогда еще не автор “Обломова”, оказавшись в Кейптауне, даже поехал в тюрьму, чтобы повидаться с вождем Сейоло, который был приговорен англичанами к пожизненному заключению за восстание против них. В 1858 г. живописец А.В. Вышеславцов, попав в Кейптаун, тоже посетил тюрьму и повидал пленного вождя Сандили¹⁸. Гончаров и Вышеславцов, да и другие российские путешественники, оставили впечатления о том, как видели африканцы себя и свои народы во взаимоотношениях с “чужеземцами”.

Еще больше дало знакомство с народным творчеством, фольклором. Сказки народов Африки переводились еще в дореволюционные времена. Тогда, конечно, с европейских языков, но в 1930-х перевод зулусских сказок был сделан уже в основном с зулусского¹⁹. С конца 1950-х – уже десятки, а затем и сотни публикаций африканских сказок, басен, народных песен.

Может быть, те, кто их читали, увлекаясь сюжетами сказок, далеко не всегда задумывались, что сказки передают и отношение народа к его прошлому, его истории. Но, пусть и не вполне осознанно, это отношение читатели все-таки чувствовали.

Первый роман писателя-африканца вышел в переводе на русский язык в 1926 г.²⁰ А шестие романов, повестей, стихотворений, написанных африканцами, открыл роман южноафриканца Питера Абрахамса “Тропюю грома”. Его перевод вышел в Москве в 1949 г., а затем где он только ни издавался: в Саратове, Алма-Ате, Ставрополе, в Чебоксарах. Позже, особенно с начала 1960-х – масса произведений, написанных африканцами.

Можно спорить, насколько удачно выбирали советские издательства литературу для перевода. Конечно, подход был прежде всего политическим. Приоритет отдавался “литературе протеста” – резко антиколониальной, антикапиталистической, антизападной. Но все же эта литература несла представления об отношении африканцев к прошлому их народов и стран.

То же самое можно сказать и о переводах книг политических деятелей Африки. Череду этих переводов открыла в 1961 г. “Автобиография” Кваме Нкрумы, президента Ганы. Конечно, тут еще больше, чем в выборе художественных произведений, действовали политико-идеологические установки. Но все же думающий читатель мог многое увидеть и понять.

Первая переведенная на русский язык “История Африки” – это книга Уильяма Дюбуа, известного афроамериканского историка. Автор начал ее с обвинений западному колониализму: “упорно пытались оправдать порабощение негров, вычеркнуть Африку из мировой истории”; “до сих пор я сталкиваюсь с упорным нежеланием проявить интерес к Африке – нежеланием, так характерным для современной истории и социологии”. Дюбуа обрушился на “тех многочисленных авторов книг по современной истории, которые не хотят и слышать об Африке” или уверены, что “единственный материк, у которого нет истории, – Африка”²¹.

В Академии наук СССР на общем собрании Отделения исторических наук 22 июня 1961 г. обсуждалось состояние и задачи изучения африканской истории. Докладчик И.И. Потехин, директор образованного тогда Института Африки, говорил и о “становлении исторической науки об Африке, создаваемой силами самих африканцев”, назвал имена таких ученых, как нигерийцы Онвука Дике, Сабури Биобаку и Мбону Ожике,

¹⁸ Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Облик далекой страны. М., 1975, с. 308–309, 340.

¹⁹ Сказки зулу. Izinganekwane. М.-Л., 1937.

²⁰ Маран Р. Батуала. Л., 1926.

²¹ Дюбуа У.Э.Б. Африка. Очерк по истории Африканского континента и его обитателей. М., 1961, с. 26–28.

сенегалец Шейх Анта Диоп, ганцы Д. Данква и де Графт Джонсон, малиец Ампате Ба, гвинец Джибрил Тамсир Ниань²². В МГУ и в Ленинградском университете на кафедрах африканистики в начале 1960-х был введен курс источниковедения и историографии истории Африки.

Работам отдельных африканских историков советские ученые уделяли внимание, но изучение тенденций развития исторической науки в Африке оказалось очень сложным и приступили к этому лишь через годы.

В 1977 г. российский читатель получил небольшой сборник со статьями и главами из книг нигерийца А. Аджайи, вольтийца Ж. Ки-Зербо, кенийцев В. Окуму и Б. Огота, угандийца С. Кивануки, южноафриканца Т. Мбойя и двух арабских ученых: египтянина Г.М. Хасанейна и алжирца М. Сахли²³.

Тенденции становления исторической науки в Африке изучал в 1970-х сектор Африки Института всеобщей истории АН СССР (ИВИ). Проходили конференции, обсуждалось состояние исторической науки в странах Восточной, Западной и Южной Африки, в Эфиопии, труды уже многих африканских историков, заслуживших к тому времени известность.

Мы убедились, сколь многого добились африканские историки для восстановления облика доколониального прошлого тогдашних государственных объединений и в целом общественного строя народов доколониальной Африки, их массовых представлений, верований, уровней культурного развития, самых различных сторон традиционной жизни.

Безусловное уважение у всех нас вызвала работа африканских ученых по сбору и анализу устной исторической традиции. Эта работа во многих странах Африки организована очень широко. Привлекали к этому и школьников, они записывали рассказы хранителей народной традиции, расспрашивали старых людей о давнем и не очень давнем прошлом.

Мы обсуждали те задачи, которые были поставлены молодым африканским историкам правительствами и общественностью. От них требовали доказать, что колониальное завоевание не было началом исторического развития африканских народов. Призывали изучать историю африканских народов, а не их завоевателей. Отказаться от того школьного образования, когда школьникам преподавали не историю их стран, а историю Британии, Франции и других государств-метрополий.

От своих молодых историков такие же молодые, только что возникшие государства сразу же требовали быстрой и эффективной помощи в решении политических и государственно-патриотических задач, и прежде всего задачи воспитания в народе, и особенно у молодежи, чувства национальной гордости, единства, верности своему только что обретенному суверенитету. На вопрос “зачем мы учим историю?” в пособии для учителей истории школ Западной Африки, изданном в 1960 г., давался такой ответ: “Нас побуждает к этому потребность в безопасности, ибо мы знаем – как знали это наши отцы, учившие нас, – что, если наши дети вырастут, не узнав свою страну и не поверив в нее, ее будущее окажется очень мрачным”²⁴. От историков стали ждать, что в каждом из своих государств они создадут пантеон героев прошлого, чья жизнь будет изучаться в школах как пример для молодых поколений.

Требовалось провести “африканизацию” источниковой базы, опираться не только и не столько на источники европейского происхождения, а на африканские. Возникло даже выражение “африканский подход к истории”.

Проявилась и односторонняя оценка того вклада, который внесли в изучение истории Африки европейцы и “белые”, живущие в африканских странах. Ведь многие из их

²² Потехин И. Состояние и основные задачи изучения африканской истории. – Африканский сборник. История, вып. I. М., 1963.

²³ Говорят африканские историки. М., 1977.

²⁴ Crookall E. Handbook for History Teachers in West Africa. Evans, 1960. Цит. по: Ballard M. Introduction. – New Movements in the Study and Teaching of History. London, 1971, p. 5–6.

трудов были все же не колониалистскими, а помогали объективно воссоздать прошлое африканских стран. Однако, если и наметились перегибы – огульное осуждение действий европейцев в Африке, – то в целом историки-африканцы добились несомненных успехов. Да и сам “африканский подход” не стал всеобщим. Кенийский историк Уильям Очиенг, например, на страницах журнала “Кения историкал ревью” выступил против “узконационалистического взгляда” на историю Африки, призвал не ограничиваться в африканском прошлом поисками исторической романтики, а стремиться найти в нем ответы на животрепещущие вопросы, например: “Как нам объяснить вековую стагнацию Африки?”²⁵.

Сектор Африки ИВИ, изучавший эту деятельность африканских историков, выпустил в 1979 г. коллективную монографию “Историческая наука в странах Африки”. В ней рассмотрено состояние исторической науки во всех крупнейших африканских странах²⁶. Вскоре вышла и книга украинского историка Д.П. Урсу, посвященная той же теме²⁷.

* * *

С 1980-х годов изучению африканской исторической мысли наша отечественная наука уделяла меньше внимания. Причины? Уход из жизни Л.Е. Куббеля, Д.А. Ольдерогге, Н.А. Ерофеева и еще нескольких историков, которых привлекала эта тема. К тому же дирекция ИВИ осенью 1979 г. по непонятным причинам сочла ненужным иметь в структуре института сектор истории Африки – восстановлен он был лишь в 1984 г. Но были и более важные причины. С распадом Советского Союза роль Африки в геополитике стран, входивших в СССР, несколько уменьшилась. Это не могло не отразиться и в сфере науки. Сократилось и число книг африканских авторов, издающихся в переводах на русский.

А значимость Африки в мировой политике, экономике, культуре и народонаселении за последние десятилетия не падала, а резко росла. И ситуация в Африке осложнялась. Разобраться в ней, понять ее стало труднее. Не работает уже подход, который своей простотой и кажущейся ясностью привлекал многих африканистов: есть только одна проблема – борьба колониализма и неоколониализма с национально-освободительным движением. Сейчас очевидно, что ситуация сложнее. На поверхность вышли доколониальные этнические распри. Да и постколониальные режимы тоже обросли своими противоречиями.

Нужно строить свою государственность, а у большинства новых государств границы, нанесенные когда-то на карту правительствами метрополий по их геополитическим сферам влияния без учета этнического фактора. В пределах одного государства теперь могут быть части нескольких народов, а один и тот же народ разделен между несколькими государствами. Как тут избежать междоусобиц?

Ведь как это сложно: строить и жизнь новых государств, и отношения между ними. И каждому из них – отношения с бывшими метрополиями и вообще со всем внешним миром. Как? Опыта пока мало, государства-то совсем молодые.

А проблемы многомиллионной африканской диаспоры, численность которой в Европе растет с каждым годом? И последствия огромных перемещений населения из одной страны Африки в другую – эти переселения резко усилились в последние 20 лет из-за междоусобных и гражданских войн. Как строятся и как будут идти в дальнейшем отношения этих диаспор со странами, которые они покинули?

Все эти вопросы и множество связанных с ними требуют работы историков, их анализа: выяснять, на каких традициях можно строить отношения. Какие неожиданности можно предвидеть, исходя из исторического прошлого. А неожиданностей современная

²⁵ African Studies since 1945. A Tribute to Basil Davidson. Proceedings of a Seminar in Honour of Basil Davidson Sixtieth Birthday at the Centre of African Studies, University of Edinburgh under the Chairmanship of George Shepperson. Edinburgh, 1976, p. 22–23.

²⁶ Историческая наука в странах Африки. М., 1979.

²⁷ Урсу Д.П. Современная историография стран Тропической Африки. 1960–1980. М., 1983.

действительность таит не меньше, а, наверно, больше, чем в колониальный и постколониальный период.

Хорошо, что в самые последние годы в Тропической и Южной Африке не только трагедии и поводы для афропессимизма. Во многих странах не только высокий прирост ВВП, но существует и многопартийность, проводятся выборы. СМИ в Европе, да и в нашей стране, часто критикуют их выборы, подчеркивают недочеты систем их многопартийности. Критика верная. Но стоит вспомнить, что еще совсем недавно вообще не было ни выборов, ни многопартийности.

Громадный успех народов ЮАР и их политических движений, что удалось избежать кровавой гражданской войны “черных с белыми”, которую предрекали многие даже весьма компетентные исследователи.

Но все же обстановку во многих странах Тропической и Южной Африки нельзя назвать стабильной, а взрывы там неизбежно отразятся глобально, как уже отразилась волна революций арабского мира.

Тем более важно знать эту обстановку, с ее историческими корнями. И знать, как ее видят изнутри ученые самой Африки.

Теперь это стало труднее, чем три-четыре десятилетия назад. Тогда работа историков-африканцев концентрировалась на антиколониализме и идее единства Африки. Сейчас значение наследия колониализма все-таки уменьшается, а идея единства, при всей своей важности, разбедается межгосударственными и межэтническими противоречиями. Множественность взглядов африканских историков стала очевидной. Трудно уследить за изданиями африканских университетов, которых стало очень много. Историки следуют за национализмами своих государств, а государств-то больше сорока.

* * *

Круг точек зрения, интерпретаций, связанных с историей стран Африки, становится почти необозримым. Издаются громадные тома с изложением различных взглядов на “африканскую философию”²⁸, на развитие культурных теорий вплоть до постколониальных лет²⁹. О своих взглядах все явственней заявляет и интеллигенция африканских диаспор. Изучение этой множественности подходов требует от нас, российских историков, большого труда. К необходимости этого и призывает автор данной статьи.

Из новейших направлений остановлюсь на одном – оно заявляет о себе уж очень энергично. С 1980-х возникла литература, именующая себя афроцентристской. Создали ее главным образом не африканцы, а афроамериканцы – те из них, кто всячески подчеркивает свои африканские корни и даже меняет свои имена на африканские. Литература эта уже настолько обширна, что требует особого рассмотрения.

Профессор Темпльского университета Филадельфии М. Асанте, которого считают основателем этой литературы, написал в книге “Афроцентризм”: “Мы возносимся над упадком западной науки и техники к божествам афроцентризма”³⁰.

Он призывает к созданию “новой историографии, основанной на африканских устремлениях, надеждах и концепциях”. В первую очередь следует заменить многие понятия и слова. Например, “рабское имя” заменить “африканским именем”, “ощущение поражения” – “победоносными мыслями”, “неуверенность – уверенностью”, “негативное расовое поведение – позитивным расовым поведением”, “ощущение угнетенности – ощущением победы”, “сутулость – прямой осанкой”, “европейскую одежду – одеждой, отражающей ваши вкусы”, “связи с Европой – связями с Африкой”, “поклонение европейским святыням – поклонением африканским святыням” и т.д.³¹

²⁸ The African Philosophy Reader. A Text with Readings. Cape Town, 2003.

²⁹ Postcolonialisms. An Anthology of Cultural Theory and Criticism. Oxford, 2005.

³⁰ Asante M.K. Afrocentricity. Trenton (USA) – Asmara (Eritrea), 1996, p.81. Асанте подал пример своим последователям, поменяв имя Артур Ли Смит, данное ему при рождении, на африканское.

³¹ Ibid., p. 101–102, 105.

Идеи о первородстве “черной расы” не новы. Они переплетаются со многим, что говорилось кем-то из африканцев и афроамериканцев намного раньше. Да и в “Зеленой книге” Муамара Каддафи сказано: “Править миром будут черные”³².

Но, наверно, никогда раньше не изыскивали столько аргументов для обоснования этой идеи, как теперь делают афроцентристы. Например, в объемистой книге, которая открывается обращением к людям своей расы: “Всем африканцам, которые борются за простую Правду: прежде всего – Раса”³³.

Для афроцентристской литературы характерно посвящение, которое дал своей “Истории Африки” М. Асанте. Он посвятил книгу “отцам африканской истории” и назвал восемь имен африканцев и афроамериканцев³⁴. Естественно, встает вопрос: при всем уважении к этим историкам, можно ли забыть положительный вклад европейцев? Да и тех “белых”, которые называют себя африканерами, т.е. африканцами, и имеют на это право, поскольку их предки поселились там с середины XVII в.? В книге Асанте вообще трудно найти добрые слова о ком-либо из “белых”.

Но вправе ли африканцы, да и весь мир, забыть, например, о подвиге Альберта Швейцера? Он по своей доброй воле работал врачом в Габоне более полувека. “Я оставил преподавание в Страсбургском университете, игру на органе и литературную работу, чтобы поехать врачом в Экваториальную Африку”, – писал он в конце жизни. Свое решение он объяснял “той великой гуманистической задачей, которую ставят перед нами эти далекие страны”³⁵.

А Оливия Шрейнер? Она – не только прекрасный южноафриканский писатель, но и яркий мыслитель. В 1908 г. она предрекала: “XXI столетие увидит мир не таким, каким он предстает на заре XX в. И проблема, которую предстоит решать нынешнему столетию, заключается в том, как достичь взаимодействия различных человеческих общностей на более широких и благотворных основах, которые обеспечили бы развитие всего человечества в соответствии с современными идеалами и с современными социальными требованиями”. И, предлагая белым соотечественникам смотреть на будущее открытыми глазами, она предсказывала (в 1908 г.): “Не всегда европейцы будут составлять верхний слой”³⁶.

А Айзек Шапера, выходец из России? Он с начала 1930-х был инициатором подготовки исследований о положении африканцев в Южной Африке – условиях их традиционного существования, жизни в резерватах, на фермах европейцев, в компаундах – помещениях для шахтеров.

Афроцентризм, конечно, – реакция на укоренявшийся столетиями европоцентризм. Но и афроцентризм вызывает протест. Афроцентристов и сторонников сходных идей порой обвиняют в “расизме наоборот”³⁷. Эти настроения проявились и в нашей стране. В только что изданной книге “Необыкновенный расизм” ставится вопрос: “А как быть со случаями расизма по отношению к белой расе? В том числе со стороны официальных государственных институтов?”³⁸.

* * *

Историческая наука в Африке вынуждена за несколько десятилетий пройти путь становления, который в Европе занял много веков. К тому же этот путь проходит через десятки государств. И в непрерывной борьбе между идеями колониализма и антиколониализма, европоцентризма и афроцентризма.

³² Каддафи М. Зеленая книга. М., 1989, с. 139.

³³ Yurungu. An African-Centered Critique of European Cultural Thought and Behavior. Trenton (USA) – Asmara (Eritrea), 1997, p. XIII.

³⁴ Asante M.K. The History of Africa. The Quest for eternal Harmony. New York, 2007.

³⁵ Швейцер А. Письма из Ламбарене. Л., 1978, с. 9.

³⁶ Schreiner O. A Closer Union. Wynberg – Cape, [n.d.], p. 25–26.

³⁷ Lewis R. Anti-Rasism. A Mania exposed. London, 1988.

³⁸ Буровский А. Бремя белых. Необыкновенный расизм. М., 2011, с. 9.

Изучить, понять этот путь важно отнюдь не только для самих историков, будь то в Африке или вне ее. Это понимание имеет и общественно-политическую значимость. Оно должно помочь яснее увидеть взгляд африканцев на их место в истории человечества. Такое понимание должно помочь самим народам Африки, вставшим на путь самостоятельного развития, оценить, что же из прошлого надо сохранять и брать в будущее, а что лучше оставить в прошлом. Всему же остальному миру – помочь понять Африку и африканцев.

Изучить тенденции исторической мысли в Африке надо во всем их многообразии и противоречиях. И, может быть, не так уж плодотворно столь резко противопоставлять труды “черных” трудам “белых”, как это зачастую делается сейчас? Не все “белые” историки – европоцентристы, и не все “черные” – афроцентристы.

* * *

С этой статьи Центр африканских исследований ИВИ РАН начинает работу по изучению тенденций развития исторической мысли в Тропической и Южной Африке, прерванную три десятилетия назад. Работу, которая теперь является, как мы считаем, еще более важной, чем тогда.